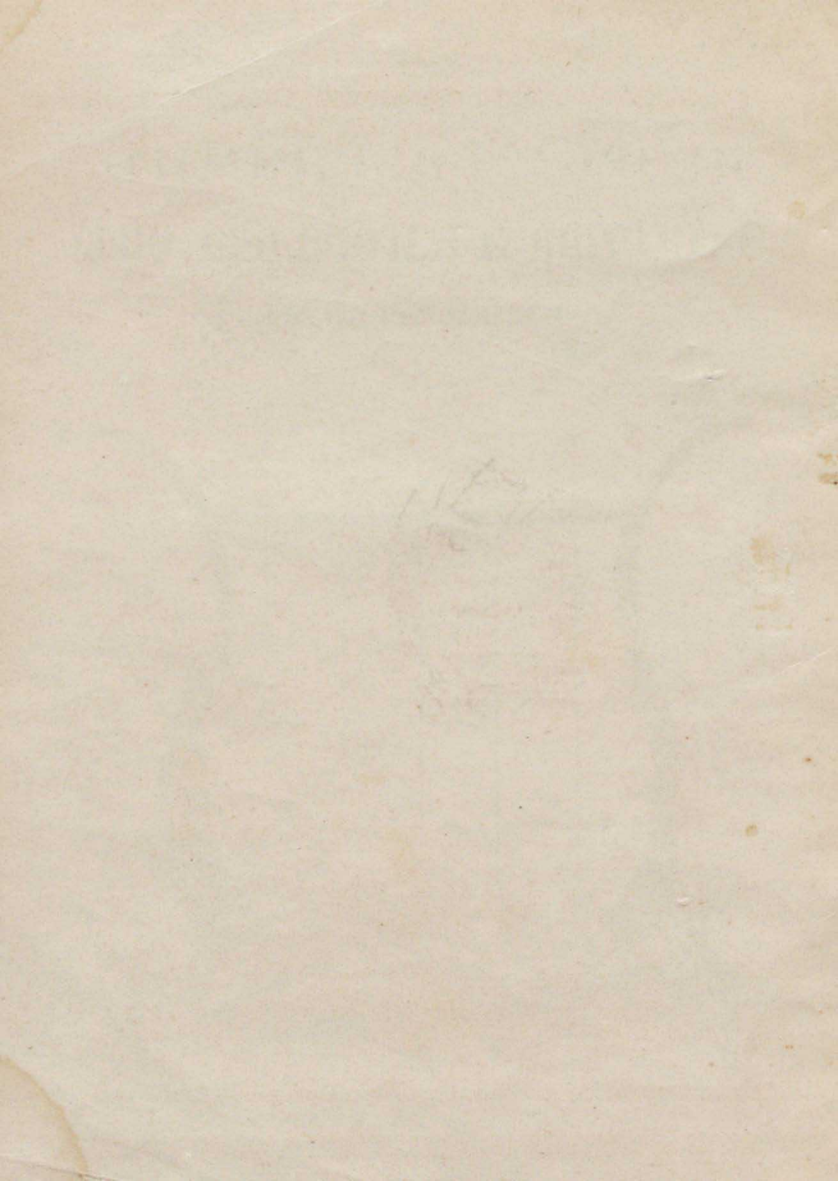
ИГОРЬ СѢВЕРЯНИНЪ

ЗА СТРУННОЙ ИЗГОРОДЬЮ ЛИРЫ

ИЗБРАННЫЯ ПОЭЗЫ

ИЗДАНІЕ
В.В. ПАШУКАНИСА
МОСКВА

Д. Митрохинъ 1917

ИГОРЬ СѢВЕРЯНИНЪ.

ЗА СТРУННОЙ ИЗГОРОДЬЮ ЛИРЫ.

ИЗБРАННЫЯ ПОЭЗЫ.

Москва,
Изданіе В. В. ПАШУКАНИСА.
1918.

ИНТРОДУКЦІЯ.

Тріолетъ.

За струнной изгородью лиры
Живетъ невѣдомый паяцъ.
Его палаццо изъ палацъ —
За струнной изгородью лиры...
Какъ онъ смѣшитъ пигмеевъ міра
Какъ сотрясаетъ хохотъ плацъ,
Когда за изгородью лиры
Рыдаетъ царственный паяцъ!..

ЗА СТРУННОЙ ИЗГОРОДЬЮ ЛИРЫ.

ВЕСЕННІЙ ДЕНЬ.

Дорогому К. М. Фофанову.

Весенній день горячъ и золотъ,—
Весь городъ солнцемъ ослѣпленъ!
Я снова—я: я снова молодъ!
Я снова веселъ и влюбленъ!

Душа поетъ и рвется въ поле,
Я всѣхъ чужихъ зову на „ты"...
Какой просторъ! какая воля!
Какія пѣсни и цвѣты!

Скорѣй бы—въ бричкѣ по ухабамъ
Скорѣй бы—въ юные луга!
Смотрѣть въ лицо румянымъ бабамъ
Какъ друга, цѣловать врага!

Шумите, вешнія дубравы!
Расти, трава! цвѣти, сирень!
Виновныхъ нѣтъ: всѣ люди правы
Въ такой благословенный день!

1911. Апрѣль.

ВЕСЕННЯЯ ЯБЛОНЯ.

Акварель.

Перу І. І. Ясинскаго посвящаю.

Весенней яблони, въ нетающемъ снѣгу,
Безъ содроганія я видѣть не могу:
Горбатой дѣвушкой — прекрасной, но нѣмой —
Трепещетъ дерево, туманя геній мой...
Какъ будто въ зеркало — смотрясь въ широкій плесъ,
Она старается смахнуть росинки слезъ
И ужасается, и стонетъ, какъ арба,
Внявъ отраженію зловѣщаго горба.
Когда на озеро слетаетъ сонъ стальной,
Бываю съ яблоней, какъ съ дѣвушкой больной,
И, полный нѣжности и ласковой тоски,
Благоуханные цѣлую лепестки.
Тогда довѣрчиво, не сдерживая слезъ,
Она касается слегка моихъ волосъ,
Потомъ беретъ меня въ вѣтвистое кольцо, —
И я цѣлую ей цвѣтущее лицо...

1910.

ЕЩЕ ВЫ ДѢВУШКА.

Еще Вы дѣвушка: вѣдь этотъ алый крапатъ
На блузкѣ лиліебатистовой — весень...
Еще Вы дѣвушка, читающая Западъ,
Секретъ несущая въ сиреневую сѣнь.
Такая милая!... Какъ золотистый грошикъ...
Поете молодость на разныхъ голосахъ...
Очарователенъ улыбчатый горошекъ,
Утко наивное опутавъ въ волосахъ.
И, вотъ что, знаете: возьмите въ руки прутикъ.
И — кто кого теперь?!... — бѣжимъ на плацъ-крокетъ!
Еще Вы дѣвушка, еще Вы только лютикъ, —
И я изъ лютиковъ Вамъ подарю букетъ...

1910.

ВЫЙДИ ВЪ САДЪ...

Выйди въ садъ... Какъ погода ясна!
Какъ застѣнчиво августъ увялъ!
Распустила кораллъ бузина,
И янтарный боярышникъ — вялъ.
Эта ягода — яблочко — гномъ...
Какъ кудрявый кротекусъ красивъ.
Скоро осень окутаетъ сномъ
Теплый садикъ, дождемъ оросивъ.
А пока еще — зелень вокругъ,
И вверху безмятежная синь;
И у клена причудливыхъ рукъ —
Много сходнаго съ лапой гусынь.
Какъ оливковы листики грушъ!
Какъ призывно плоды ихъ висятъ!
Выйди въ садъ и чуть-чуть поразрушь,
Это осень проститъ... Выйди въ садъ.

1909. Августъ.
Мыза „Ивановка“.

РЕЗЕДОВЫЙ БУКЕТЪ.

Испуганно внемля далекой ракетѣ,
Когда задремали въ истомѣ сады,
Купая лицо въ резедовомъ букетѣ,
Она понимала мірокъ резеды.
„О, какъ бархатисты, какъ томно-кудрявы“,
Она обращалась чуть слышно къ цвѣтамъ:
„Я вѣрю: вы чутки, и люди неправы,
Когда васъ срываютъ,—вѣдь больно же вамъ...
Я въ вазу поставлю васъ, цвѣтики, въ вазу
Съ такою холодной прозрачной водой“...
Цвѣты эту ласку восприняли сразу
И къ ней потянулись душистой мечтой.
Онѣ благодарны, цвѣтковыя души, —
Она это знала... Но выпалъ букетъ,
И, всѣ ихъ измявъ крошкой-туфелькой въ плюшѣ,
Она разрыдалась, упавъ на паркетъ...

1909.

ВЕСЕННІЕ ТРІОЛЕТЫ.

Андрею Виноградову.

Еще весной благоухаетъ садъ,
Еще душа весенится и вѣритъ,
Что поправимы страстныя потери,—
Еще весной благоухаетъ садъ...
О, нѣжная сестра и милый братъ!
Мой домъ не спитъ, для васъ раскрыты двери...
Еще весной благоухаетъ садъ,
Еще душа весенится и вѣритъ...

Еще благоухаетъ садъ весной
Еще въ глазахъ моихъ блестятъ слезинки,
Еще влекутъ въ беззвѣстное тропинки,—
Еще благоухаетъ садъ весной...
О, жизнь моя! Ты вся еще предъ мной!
Черемухъ цвѣтъ пророчитъ мнѣ снѣжинки...
Еще благоухаетъ садъ весной,
Еще въ глазахъ моихъ дрожатъ слезинки...

А я усталъ! а юность позади!
Зачѣмъ же садъ весной благоухаетъ?
Взоръ отсверкалъ, померкъ и потухаетъ.
И я усталъ... и юность позади...
О, жизнь моя! ты вся еще въ груди!
Вопью тебя,—и сердце воспылаетъ!
Пусть я усталъ, пусть юность позади,
Но садъ еще весной благоухаетъ!...

Веймарнъ.
Мыза „Пустомержа".
1913.

ЗАВѢТЪ.

Не убивайте голубей.

Мирра Лохвицкая.

Цѣлуйте искреннѣй уста—
Для васъ раскрытые бутоны,
Чтобъ ихъ не изсушили стоны,
Чтобъ не поблекла красота!
Съ мечтой о благости Мадонны
Цѣлуйте искреннѣй уста!

Прощайте пламеннѣй враговъ,
Вамъ причинившихъ горечь муки,
Сковавшихъ холодомъ разлуки,
Топящихъ въ злѣ безъ береговъ.
Дружнѣй протягивайте руки,
Прощайте пламеннѣй враговъ!

Страдайте стойче и святѣй,
Познавъ величіе страданья.
Да не смутятъ твои рыданья
Покоя свѣтлаго дѣтей!
Своимъ потомкамъ въ назиданье
Страдайте стойче и святѣй!

Любите глубже и вѣрнѣй—
Какъ любятъ васъ, не разсуждая,
Своимъ порывомъ побуждая
Гнать сонмы мертвенныхъ тѣней...
Безсмертенъ, кто любилъ, страдая,
Любите глубже и вѣрнѣй!

1909. Сентябрь.

ПОЭЗА МАЙСКИХЪ ДНЕЙ.

Какіе дни теперь стоятъ!
Ахъ, что это за дни!
Цвѣтетъ, звенитъ, щебечетъ садъ,
Господь его храни!

И нѣтъ кузнечикамъ числа,
Летящимъ на востокъ,
Весна себя переросла,
И ростъ ея—жестокъ...

У моря, въ липовой тѣни,
Стада на берегу.
Я не могу въ такіе дни
Работать, не могу!..

Ахъ, что же дѣлать мнѣ съ собой?
Я весь сплошная лѣнь:
Въ такіе дни я самъ не свой,
Вѣдь въ эти дни—сирень!

Безволно море. Синегладь.
А небо—какъ оно.
Нельзя ни грезить, ни желать,
Чего-то не дано...

Чего-то жду, кого-то жду...
Такъ страстно жду весь день...
Сирень, сирень въ моемъ саду!
Въ моемъ саду—сирень!

Цвѣти, звени, пылай, мой садъ,
Господь тебя храни!
Какіе дни теперь стоятъ!
Ахъ, что это за дни!

Эст.-Тойла.
1914. Май.

НЕ ЗАВИДУЙ ДРУГУ.

Не завидуй другу, если другъ богаче,
Если онъ красивѣй, если онъ умнѣй.
Пусть его достатки, пусть его удачи
У твоихъ сандалій не сотрутъ ремней...

Двигайся бодрѣе по своей дорогѣ,
Улыбайся шире отъ его удачъ:
Можетъ быть, блаженство—на твоемъ порогѣ,
А его, быть можетъ, ждутъ нужда и плачъ.

Плачь его слезою! смѣйся шумнымъ смѣхомъ!
Чувствуй полнымъ сердцемъ вдоль и поперекъ!
Не препятствуй другу ликовать успѣхомъ:
Это—преступленье! Это—сверхпорокъ!

1909.

КУЗНЕЦЪ.

Спѣши къ наковальнѣ, кузнецъ!
Покуда здоровъ ты, покуда ты молодъ,
Куй счастью надежный вѣнецъ!
Душою измолотъ, душою расколотъ,
Душою истерзанъ, когда, какъ свинецъ,
Жизнь станетъ тяжелой, и старости холодъ
Напомнитъ про глупый, нелѣпый конецъ,—
Тогда берегись, не хватайся за молотъ:
Тебѣ онъ измѣнитъ, кузнецъ!

1910.

СОЛНЦЕ ВСЕГДА ВДОХНОВЕННО.

Солнце всегда вдохновенно!
Солнце всегда горячо!
Другъ мой! сольемся мгновенно:
Наше желанье—ничье.

Жизнь безнадежна и тлѣнна,
Мигомъ трепещетъ плечо...
Солнце, какъ мы, вдохновенно!
Солнце, какъ мы, горячо!

1909.

Пляска Мая.

„Въ могилѣ мракъ, въ объятьяхъ рай.
Любовь—земли услада!..“
А. Будищевъ.

Вдалекѣ отъ фабрикъ, вдалекѣ отъ станцій,
Не въ лѣсу дремучемъ, но и не въ селѣ—
Старая плотина, на плотинѣ танцы,
Въ танцахъ поселяне, всѣ навеселѣ.

Покупаютъ парни у торговки дули,
Тыквенное сѣмя, каріе рожки.
Тутъ безпопья свадьба, тамъ кого-то вздули.
Шопоты да взвизги, пѣсни да смѣшки.

Точно гудъ пчелиный—гуторъ на полянкѣ:
— Любишь ли, Акуля?.. — „Дьяволъ, не замай!..“
И подъ звуки шустрой, удалой „тальянки“
Пляшетъ на плотинѣ самъ царевичъ Май.

Разошелся браво пламенный красавецъ,—
Зашумѣли липы, зацвѣла сирень!
Вѣтерокъ цѣлуетъ въ губы всѣхъ красавицъ,
Май пошелъ вприсядку въ шапкѣ набекрень.

Но не видятъ люди молодого Мая,
Чувствуя душою близость удальца,
Весела деревня, смутно понимая,
Что царевичъ броситъ въ пляскѣ два кольца.

Кто подниметъ кольца—жизнь тому забава!
Упоенье жизнью не для мѣдныхъ лбовъ!
Слава Маю, слава! Слава Маю, слава!
Да царятъ надъ міромъ Солнце и Любовь!

1910.

CHANSON RUSSE.

Зашалила, загуляла по деревнѣ молодуха.
Было въ полѣ, да на волѣ, было въ день Святого
Духа.
Мужъ-то старый, мужъ-то хмурый укатилъ въ село
подъ Тройцу.
Хватитъ хмелю на недѣлю,— жди-пожди теперь
пропойцу!
Это что же? развѣ гоже отъ тоски сдыхать молодкѣ?
Надо парня, пошикарнѣй, чтобъ на зависть въ
околоткѣ!
Зашалила, загуляла! знай, лущитъ себѣ подсолнухъ!..
Ходятъ груди, точно волны на моряхъ, водою полныхъ.
Разжигаетъ, соблазняетъ молодуха Ваньку парня,
Шумъ и хохотъ на деревнѣ, будто бѣшеная псарня!..
Всѣ старухи взбеленились, расплевались, да—по
хатамъ:
Старикамъ отъ нихъ влетѣло и метлою, и ухватомъ.
Всполошились молодухи, всѣхъ мужей мгновенно въ
избы!
А звонарь на колокольнѣ заоралъ: „скорѣе внизъ бы!"
Поспѣшилъ, да такъ ретиво, что свалился съ
колокольни...
А молодка все гуляла, вѣтра буйнаго раздольнѣй!

1910.

ПИСЬМО ѲЕКЛЫ.

Ты послушай меня, мой суразный! ты послушай меня, мой уклюжій:
Кровье сердце мое истекаетъ, ты любовью мнѣ сердце запрудь.
Ахъ, багряно оно изручьилось, запеклось въ лиловатыя лужи,
Поизсякло ключистое сердце, поизсохла цвѣтущая грудь!
На деревнѣ калякаютъ дѣвки (любопытство у горя на-стражѣ!):
Знать, у Ѳеклы запачкана совѣсть, или бремени ждетъ въ животѣ:
Потому что изъ солнечной дѣвки, веселящей, здоровой и ражей,
Стала попросту старой унылкой, на какой-то споткнулась мечтѣ.
Вотъ еще и вчера, Евфросинью, повстрѣчавъ на покосѣ, священникъ
(Нынче новый въ селѣ: я не знаю, какъ зовутъ молодого попа)
Говорилъ: Вотъ какая-то Ѳекла, мнѣ сказали, мутится отъ денегъ,
Все боится воровъ, скопидомка, ну а замужъ—должно быть глупа.

Заклевали меня, оболгали! Изъ веселой когда-то, изъ
смѣлой
Стала я, отъ любви безысходной, мокрой курой и
дурой для всѣхъ.
Пожалѣй же меня, мой уклюжій! Полюби же меня,
мой умѣлый!
Разгрѣшилась на дѣвкѣ деревня—значитъ дѣвку
попутаетъ грѣхъ!

Веймарнъ.
1912.

Катюлинька.

Гули-гулинька, гуля-гулинька,
Съ бѣлымъ крылышкомъ голубокъ...
Это ты, мой другъ, ты, Катюлинька.
Ты, Катюлинька, мой дружокъ?
Осень дымчата. Лѣсъ и хижина.
День склоняется. Ночь близка.
Ты обижена... Ты унижена...
Ты любима мной,—какъ тоска...
Двери скрипнули. Бьется крылышко,—
То колышется твой платокъ...
Гдѣ ты, молодость?.. гдѣ ты, силушка?..
Гдѣ Катюлинька—мой дружокъ?..

1909.

ПОЭЗА МАКОВЫХЪ ПОЛЕЙ.

Снова маки въ поляхъ лиловѣютъ
Надъ опаловой влагой рѣки,
И выминдаленные лелѣютъ
Абрикосовые вѣтерки...

Ты проходишь морѣющимъ полемъ,
Фіолетовымъ и голубымъ,
Къ истомленнымъ усладамъ и болямъ,
Одинаково близкимъ своимъ...

Какъ серебряныя черепахи,
Въ полднелѣнь проползаютъ серпы...
Сколько бодрости мягкой во взмахѣ
Струнно-млѣющей дѣвьей стопы!

На златисто-резедной головкѣ
Пылко-красный кумачный платокъ,
А въ головкѣ такъ много обновки,
И въ душѣ—обновленный потокъ!

Розовѣютъ лиловые маки,
Золотѣетъ струистый опалъ,
И луна возжигаетъ свой факелъ,
Отравивъ зацвѣтающій балъ...

1915. Мартъ.
Харьковъ.

ДЕВЯТНАДЦАТИВЕШНЯЯ.

Девятнадцативешней впечатлѣнія жизни несравненно
новѣе,
Несравненно острѣе, чѣмъ готовому встрѣтить май
тридцатой весны.
Девятнадцативешней легче въ истину вѣрить, какъ въ
прекрасную фею,
Какъ бы не были годы,—восемнадцать минувшихъ,—
тяжелы и грустны...
И когда расцвѣтаютъ бирюзовыя розы и душистый
горошекъ,
Ей представить наивно, что они расцвѣтаютъ для нея,
для одной;
И когда вылетаютъ соловьями рулады изъ сосѣдскихъ
окошекъ,
Ей представить наивно, что поетъ кто-то близкій, кто-то
тайно—родной...
Девятнадцативешней можетъ лѣсъ показаться никогда
нерубимымъ,
Неувядными маки, человѣчными люди, неизсячнымъ
ручей.
Девятнадцативешней можетъ сдѣлаться каждый недо-
стойный любимымъ:
Вѣдь его недостойность невидна, непонятна для пре-
свѣтлыхъ очей...

И когда молодыя — о, душистый горошекъ! о, лазурныя
розы! —
Веселятся рѣзвуньи, мнѣ мучительно сладко, но и
больно за нихъ...
И когда голубыя поэтички, какъ птички, подъ угрозами
прозы.
Прозрѣвать начинаютъ, я въ отчаяньи плачу о мечтахъ
голубыхъ!..

1915. Май.
Эст.-Тойла.

ПОЭЗА О ФОФАНОВѢ.

Возьмите „Фофанова“ въ руки
И съ нимъ идите въ вешній садъ.
Томленье ваше, скуку, муки
Его напѣвы исцѣлятъ.
Себя самихъ не понимая,
Вы вдругъ заискритесь, какъ Муммъ.
Подъ „Майскій шумъ“ поэта мая
И подъ зеленый майскій шумъ,
Пропѣвъ неряшливыя строки,
Гдѣ упоителенъ шаблонъ,
Поймете сумерекъ намеки
И все, чѣмъ такъ чаруетъ онъ.
Не будьте жъ къ мигу близоруки,—
Весна и солнце отблестятъ!
Берите „Фофанова“ въ руки
И съ нимъ бѣгите въ вешній садъ!

Веймарнъ. 1913.
Начало іюня.

ПОЭЗА РАСКРЫТЫХЪ ГЛАЗЪ.

Арфѣетъ вѣтеръ, далѣетъ Нарва,
Синѣетъ море, златѣетъ тишь.
Душа--какъ парусъ, душа—какъ арфа.
О чемъ бряцаешь? куда летишь?

Свѣжо и знойно. Свѣжо и смѣло.
Чего-то надо. Чего-то ждешь.
Душа жестокость свершить посмѣла!
Душа посмѣла отвергнуть ложь!

Въ быломъ ошибка. Въ быломъ—ненужность.
Въ быломъ—уродство. Позоръ въ быломъ.
Въ грядущемъ—чувства, ея жемчужность,
А въ настоящемъ—лишь переломъ.

Ахъ, оттого-то арфѣетъ вѣтеръ,
Далѣетъ берегъ, поетъ заливъ!..
Ахъ, оттого-то и жить на свѣтѣ
Я страшно жажду, глаза раскрывъ!..

НА РѢКѢ ФОРЕЛЕВОЙ.

На рѣкѣ форелевой, въ сѣверной губерніи,
Въ лодкѣ, сизымъ вечеромъ, утокъ не разстрѣливай:
Благостны осенніе отблески вечерніе
Въ сѣверной губерніи, на рѣкѣ форелевой.
На рѣкѣ форелевой въ трепетной осиновкѣ
Хорошо мечтается надъ крутыми веслами.
Вечерѣетъ холодно. Зябко спятъ малиновки.
Скачетъ лодка скользкая камышами рослыми.
На отложьѣ берега ленъ расцвѣлъ мимозами,
А форели шустрятся въ рѣчкѣ граціозами.

1911. Августъ.

ВСЕ ГЛУШЕ ПАРКЪ...

А. И. Лопатину.

Все глуше паркъ. Все тише—тише конь.
Издалека доносится шаконь.
Я утомленъ, я весь ушелъ въ сѣдло.
Май любитъ ночь, и стало быть—свѣтло...
Я встрѣчъ не жду, и оттого свѣтлѣй
И чище вздохъ окраинныхъ аллей,
Надѣвшихъ свой единственный нарядъ.
Не жду я встрѣчъ. Мнѣ хорошо. Я радъ.
А помнишь ты, усталая душа,
Другую ночь, когда, любить спѣша,
Ты отдавалась пламенно другой,
Такой же пылкой, юной и родной?
А помнишь ты, болѣзная моя,
Какой голубкой грезилась змѣя,
Какъ обманула сердце и мечты?
Нѣтъ, не могла забыть той встрѣчи ты.
Май любитъ ночь, и стало быть—свѣтло...
Качаетъ сонъ, баюкаетъ сѣдло.
Блуждаетъ взоръ межъ лиственныхъ громадъ.
Все глуше паркъ,—все тоньше ароматъ...

1910.

ИМПРОВИЗАЦІЯ.

Какъ смѣютъ хоронить утромъ, когда на небѣ солнце?
Какъ смѣютъ ковать цѣпи, когда не скованъ вѣнецъ?
Какъ смѣютъ срывать розу, когда она благоухаетъ?
Какъ смѣютъ бросать женщину, когда она полна любви?
Какъ смѣютъ пить воду, когда въ водѣ падаль?
Какъ смѣютъ улыбаться, когда существуетъ скорбь?
Какъ смѣютъ надѣяться, когда есть разочарованье?
Какъ смѣютъ жить, когда жизни нѣтъ?!..

1910. Августъ.

ВОСТОРЖЕННАЯ ПОЭЗА.

Восторгаюсь тобой, молодежь! —
Ты всегда,—даже стоя,—идешь,
Но идешь постоянно впередъ,
Гдѣ тебя что-то многое ждетъ.
Не желаю я думать о томъ,
Что съ тобою случится потомъ,
Что, спустя много веснъ и зимъ,
Будетъ твой крылолетъ отразимъ.
Но пока молодежь молода,
Не погаснетъ на небѣ звѣзда,
Не утопится солнце въ водѣ,—
Да веснятся всѣ и вездѣ!
И смотрю я въ сплошные глаза:
Въ нихъ потопъ, а въ потопѣ—гроза,
А въ грозѣ зацвѣли васильки...
Оттого—я, не зная тоски,
Такъ спою, что и ты запоешь,
Овосторженная молодежь!
Такъ грозово возгряну „ура",
Что умретъ безвоскресно вчера!
И вонзаю я въ завтра копье,
Прославляя сегодня твое!

Керчь.
1914 г. Январь.

ОЧАМЪ ТВОЕЙ ДУШИ.

Очамъ твоей души—молитвы и печали,
Моя болѣзнь, мой страхъ, плачъ совѣсти моей,
И все, что здѣсь въ концѣ, и все, что здѣсь въ началѣ,—
Очамъ души твоей...

Очамъ души твоей—сиренью упоенье
И литургія—гимнъ жасминовымъ ночамъ;
Все—все, что дорого, что будитъ вдохновенье,—
Души твоей очамъ!

Твоей души очамъ—видѣній страшныхъ клиры...
Казни меня! пытай! замучай! задуши!—
Но ты должна принять!.. И плачъ, и хохотъ лиры—
Очамъ твоей души!..

Мыза „Ивановка".
1909. Іюнь.

БЕЗСТРАСТІЕ ДОСТИЖЕНІЯ.

Назадъ два года наша встрѣча
Не принесла любви твоей:
Ты отвѣчала мнѣ переча
Чужому изъ чужихъ людей...

Я полюбилъ тебя поэтно:
Самозабвенно, въ первый мигъ.
Пусть не была любовь отвѣтна,
Я не поблекъ, я не поникъ!

Но выдержкою и терпѣньемъ,
Но вѣрою въ любовь свою,
Но пламеннымъ тебя воспѣньемъ
Достигъ, что говоришь: „люблю".

И въ каждомъ словѣ, въ каждомъ жестѣ,
И въ каждомъ взглядѣ на меня
Читаю: „Мы два года вмѣстѣ"—
Изъ часа въ часъ, въ день изо дня.

О, я увѣренъ былъ, что это
Когда-нибудь произойдетъ,
Что чувство чистое поэта
Въ тебѣ отвѣтное найдетъ!

3*

Но отчего-жъ не торжествую
Своей побѣды надъ тобой?
Тебя я больше не ревную
И не молю: „Живи со мной!“

Не потому, чтобъ разлюбилась;
Не потому, чтобъ я остылъ;—
Но сердце слишкомъ быстро билось,—
И я усталость ощутилъ!..

Восторгъ—въ безумствѣ! счастье—въ бредѣ!
Въ лиловой лжи весеннихъ дней!..
Безстрастно радуюсь побѣдѣ,
Не зная, что мнѣ дѣлать съ ней!..

2 Января 1917 г.
Гатчина.

ПОЭЗА ГОЛУБОГО ВЕЧЕРА.

Мы ѣхали съ тобою въ бричкѣ
Широкою и столбовой.
Порхали голубыя птички,
Былъ вечеръ сине-голубой.

Изъ лѣса выбѣжала рѣчка
И спряталась, блеснувъ хвостомъ.
О, рѣчка, рѣчка-быстротечка!
О, призракъ, выросшій кустомъ!

Плясали сѣрыя лисички
На заднихъ лапкахъ pas de graçe.
Мы ѣхали съ тобою въ бричкѣ
И бредили,—который разъ.

Навстрѣчу намъ ни человѣка!
Безлюдье мертвое и тишь.
И только хата дровосѣка,
Да развѣ ель, да развѣ мышь.

Смотрю: глаза твои синѣютъ,
И блѣдный ликъ поголубѣлъ,
И только губы весенѣютъ—
Затѣмъ, чтобъ я ихъ алость пѣлъ...

Не по желанью,—по привычкѣ
Намъ надо двигаться съ тобой,
А потому мы ѣздимъ въ бричкѣ
Проселочной и столбовой.

Эст.-Тойла.
1915 Май.

МИНЬОНЕТЪ.

Уважать—это вовсе не значитъ любить,
А, любя, уважаешь невольно!
Если чувства захочешь въ слова воплотить—
Воплощать никогда не довольно!
Загляни-жъ мнѣ въ глаза, чтобъ любовь углубить,
Загляни бархатисто-фіольно...
Говорить, это вовсе не значитъ—любить,
А по взгляду узнаешь невольно!..

1912. Мартъ.

ЭЛЕМЕНТАРНАЯ СОНАТА.

О, милая, какъ я печалюсь! о, милая, какъ я тоскую!
Мнѣ хочется тебя увидѣть—печальную и голубую...

Мнѣ хочется тебя услышать, печальная и голубая,
Мнѣ хочется тебя коснуться, любимая и дорогая!

Я чувствую, какъ угасаю, и близится мое молчанье;
Я чувствую, что скоро—скоро окончится мое страданье...

Но, Господи! съ какою скорбью забуду я свое мученье!
Но, Господи! съ какою болью познаю я свое забвенье!

Мнѣ кажется, гораздо лучше надѣяться, хоть безнадежно,
Чѣмъ мертвому, въ нѣмомъ безгрезьи, покоиться без-
страстно-нѣжно...

О, призраки надежды—странной—и сладостной, и стра-
стно-больной,
О, свѣтлые, не покидайте мечтателя съ душою знойной!

Не надо же тебя мнѣ видѣть, любимая и дорогая...
Не надо же тебя мнѣ слышать, печальная и голубая...

Ахъ, встрѣчею боюсь разсѣять желанное свое стра-
данье,
Увидимся—оно исчезнетъ: чудесное—лишь въ ожиданьи...

Но все-таки свиданье лучше, чѣмъ вѣчное къ нему
стремленье,
Но все-таки біенье мига прекраснѣе вѣковъ забвенья!..

1911. Октябрь.

СЕГОДНЯ НЕ ПРИДУ.

Сегодня не приду; когда приду—не знаю...

Ея телеграмма.

„Сегодня не приду; когда приду—не знаю..."
Я радуюсь веснѣ, сирени, солнцу, маю!
Я радуюсь тому, что вновь растетъ трава!
—Подайте мой моторъ. Шоффэръ, на Острова!

Пускай меня къ тебѣ влечетъ неудержимо,
Мнѣ хочется забыть, что я тобой любима,
Чтобъ чувствовать острѣй весенній этотъ день,
Чтобъ слаже тосковать...
—Въ сирень, шоффэръ! въ сирень!

Я такъ тебя люблю, что быть съ тобою вмѣстѣ
Порой мнѣ тяжело: ты мнѣ, своей невѣстѣ,
Такъ много счастья далъ, собой меня впитавъ,
Что отдыхъ отъ тебя среди цвѣтовъ и травъ...

Пощады мнѣ, молю! Я требую пощады!
Я видѣть не могу тебя и мнѣ не надо...
—Нельзя ли по морю, шоффэръ?., а на звѣзду?..
Чтобъ только какъ-нибудь: „сегодня не приду..."

Эст.-Тойла.
1914. Іюнь.

ПОЭЗА СТРАННОСТЕЙ ЖИЗНИ.

Встрѣчаются, чтобы разлучаться...
Влюбляются, чтобъ разлюбить...
Мнѣ хочется расхохотаться
И разрыдаться—и не жить!

Клянуться, чтобъ нарушить клятвы...
Мечтають, чтобъ клянуть мечты...
О, скорбь тому, кому понятны
Всѣ наслажденія Тщеты!..

Въ деревнѣ хочется столицы...
Въ столицѣ хочется глуши...
И всюду человѣчьи лица
Безъ человѣческой души...

Какъ часто красота уродна,
И есть въ уродствѣ красота...
Какъ часто низость благородна,
И злы невинныя уста.

Такъ какъ же не расхохотаться,
Не разрыдаться, какъ же жить,
Когда возможно разставаться,
Когда возможно разлюбить?!.

Москва.
Февраль. 1916.

ВЪ ОЧАРОВАНЬИ.

Быть можетъ оттого, что ты не молода,
Но какъ-то трогательно-больно моложава,
Быть можетъ оттого я такъ хочу всегда
Съ тобою вмѣстѣ быть; когда смѣясь лукаво,
Раскроешь широко влекущіе глаза,
И блѣдное лицо подставишь подъ лобзанья,
Я чувствую, что ты—вся нѣга,—вся гроза,
Вся—молодость, вся—страсть; и чувства безъ названья
Сжимаютъ сердце мнѣ плѣнительной тоской,
И потерять тебя—боязнь моя безмѣрна...
И ты, меня понявъ, въ тревогѣ, головой
Прекрасною своей вдругъ поникаешь нервно,—
И вотъ, другая ты: вся—осень, вся—покой...

„Дылицы".
1912. Іюнь.

„ВИКТОРІЯ РЕГІЯ".

Наша встрѣча—Викторія Регія:
Рѣдко, рѣдко въ цвѣту...
До и послѣ нея жизнь—элегія
И надежда въ мечту.

Ты придешь,—изнываю отъ нѣги я,
Трепещу на лету.
Наша встрѣча—Викторія Регія:
Рѣдко, рѣдко въ цвѣту!..

1909.

ЕЯ МОНОЛОГЪ.

Не можетъ быть! вы лжете мнѣ, мечты!
Ты не сумѣлъ забыть меня въ разлукѣ...
Я вспомнила, когда, въ приливѣ муки,
Ты письма сжечь хотѣлъ мои... сжечь!.. ты!..

Я знаю, жгутъ безцѣнные дары.
Жжетъ молнія надменныя вершины,
Поэтъ—изъ перловъ, бурные костры,
И фабрикантъ—дубравы для машины;

Безчувственные люди жгутъ сердца,
Забывшія для нихъ про все на свѣтѣ;
Разбойникъ жжетъ святилище дворца,
Гордящагося пиршествомъ столѣтій;

И геніи сжигаютъ мощь свою
На алкоголѣ—символѣ безсилья...
Но письма сжечь,—гдѣ я тебѣ пою
Свою любовь! гдѣ распускаю крылья!

Ихъ сжечь нельзя—какъ вѣчной красоты!
Ихъ сжечь нельзя—какъ солнечнаго неба!
Въ нихъ отзвуки Эдема и Эреба...
Не можетъ быть! вы лжете мнѣ, мечты!

Мыза „Ивановка“.
1909. Іюнь.

ТЫ КО МНѢ НЕ ВЕРНЕШЬСЯ...

„Златѣ".

Ты ко мнѣ не вернешься даже ради Тамары,
Ради нашей дочурки, крошки въ родѣ крола:
У тебя теперь дачи, за обѣдомъ—омары,
Ты теперь подъ защитой вороного крыла...

Ты ко мнѣ не вернешься: на тебѣ теперь бархатъ:
Онъ скрываетъ безкрылье утомленныхъ плечей...
Ты ко мнѣ не вернешься: предсказатель на картахъ
Погасилъ за цѣлковый вспышки позднихъ лучей!..

Ты ко мнѣ не вернешься, даже... даже проститься,
Но надъ гробомъ обидно ты намочишь платокъ...
Ты ко мнѣ не вернешься въ тихомъ платьѣ изъ ситца,
Въ платьѣ радостно-жалкомъ, какъ грошовый цвѣтокъ.

Какъ цвѣтокъ... Помнишь розы изъ кисейной бумаги?
О живыхъ ни полслова у могильной плиты!
Ты ко мнѣ не вернешься: грезы больше не маги,—
Я умру одинокимъ, понимаешь ли ты?!.

1910.

ВЪ ПАРКѢ ПЛАКАЛА ДѢВОЧКА.

Всеволоду Свѣтланову.

Въ паркѣ плакала дѣвочка: „посмотри-ка ты, папочка,
У хорошенькой ласточки переломлена лапочка,—
Я возьму птицу бѣдную и въ платочекъ укутаю"...
И отецъ призадумался, потрясенный минутою,
И простилъ всѣ грядущіе и капризы, и шалости
Милой, маленькой дочери, зарыдавшей отъ жалости.

1910.

КЪ ШЕСТИЛѢТІЮ СМЕРТИ ФОФАНОВА.

Какъ это такъ могло случиться,
Что могъ онъ въ маѣ умереть,
Когда все жаждетъ возродиться,
И сокомъ жизненнымъ кипѣть?!.

Пѣвецъ весны, пѣвецъ сирени
И майскихъ фей, и соловьевъ,
Чьей лиры струны такъ весенни,
Чей стихъ журчливѣе ручьевъ.

Какъ могъ онъ, этотъ вешнепѣвецъ,
Какъ онъ сумѣлъ, какъ онъ посмѣлъ
Уйти отъ плещущихъ деревьецъ
И отъ кипящихъ маемъ тѣлъ?

На скорбь обрекъ живыхъ умершій,
На осень онъ весну обрекъ...
Что можетъ-быть больнѣй и горше,
Чѣмъ умолканье вешнихъ строкъ?..

Все не могу я надивиться
И все дивиться буду впредь,
Какъ это такъ могло случиться,
Что могъ онъ въ маѣ умереть?!.

20 Іюня 1917 г.
Мыза „Ивановка“.

ЭТО БЫЛО У МОРЯ.

Поэма-миньонетъ.

Это было у моря, гдѣ ажурная пѣна,
Гдѣ встрѣчается рѣдко городской экипажъ...
Королева играла—въ башнѣ замка—Шопена,
И, внимая Шопену, полюбилъ ее пажъ,

Было все очень просто, было все очень мило;
Королева просила перерѣзать гранатъ;
И дала половину, и пажа истомила,
И пажа полюбила, вся въ мотивахъ сонатъ.

А потомъ отдавалась, отдавалась грозово,
До восхода рабыней проспала госпожа...
Это было у моря, гдѣ волна бирюзова,
Гдѣ ажурная пѣна и соната пажа.

1910. Февраль.

СОНАТА.

Каждый вечеръ вы ѣдете мимо
Въ темномъ платьѣ и съ блѣднымъ лицомъ,
Какъ гетера усладнаго Рима,

. . . .

Я всегда вижу только вашъ профиль,
Потаенно-печальный оваль
И въ Магдалахъ ли васъ, на Голгофѣ ль,
Только, помню, когда-то знавалъ.

На меня никогда, никогда вы
Не взглянули, не смѣли взглянуть:
Вашу память душили удавы,
И мѣдянки окольчили грудь.

И пока полноердно съ балкона
Я, ледѣя, смотрѣлъ вамъ во слѣдъ,
Богоматери меркла икона,
И дрожалъ я войти въ кабинетъ:

Мнѣ казалось, что гасла лампада,
И пустѣлъ, закрываясь, кіотъ...
Все я ждалъ, что изъ роснаго сада
Кто-то дѣвно меня позоветъ...

И на мигъ несказаннымъ обманутъ,
Я спѣшилъ на несказанный зовъ,
И не видѣлъ, какъ ландыши вянутъ
Отъ моихъ недостойныхъ шаговъ.

1911. Ноябрь.

ТРИНАДЦАТАЯ.

Новелла.

У меня дворецъ двѣнадцатиэтажный.
У меня принцесса въ каждомъ этажѣ.
Подглядѣлъ-подслушалъ какъ-то вихрь протяжный,—
И объ этомъ знаетъ цѣлый свѣтъ ужe.

Знаетъ,—и прекрасно! сердцемъ не плутую!
Всѣхъ люблю, двѣнадцать,—хоть на эшафотъ!
Я настрою арфу, арфу золотую,
Ничего не скрою, все скажу... Такъ вотъ:

Всѣ мои принцессы—любящія жены.
Я, ихъ повелитель, любящій ихъ мужъ.
Знойнымъ поцѣлуемъ груди ихъ прожжены,
И въ каскады слиты ручейки ихъ душъ.

Каждая другъ друга дополняетъ тонко,
Каждая прекрасна, въ каждой есть свое:
Та грустить беззвучно, та хохочетъ звонко,—
Радуется сердце любое мое!

Поровну люблю я каждую принцессу,
Царски награждаю каждую собой...
День и ночь хожу по лѣстницѣ, завѣсу
Очередной спальни дергая рукой...

День и ночь хожу я, день и ночь не сплю я,
Въ упоеньи мигомъ некогда тужить.
Жизнь—отъ поцѣлуя, жизнь до поцѣлуя,
Вѣчное забвенье не даетъ мнѣ жить.

Но бываютъ ночи: заберусь я въ башню,
Заберусь одинъ въ тринадцатый этажъ,
И смотрю на море, и смотрю на пашню,
И чаруетъ греза все одна и та-жъ:

Хорошо бы въ этой комнатѣ стеклянной
Пить златистогрезый черный виноградъ
Съ вѣчно-безымянной, странно такъ желанной,
Той, кого не знаю и узнать не радъ.

Скалы молятъ звѣзды, звѣзды молятъ скалы,
Смутно понимаю тайну скалъ и звѣздъ,—
Наполняю сокомъ и душой бокалы
И провозглашаю безотвѣтный тостъ!

1910.

4*

ЛЮБОВЬ И СЛАВА.

Я полюбилъ двухъ юныхъ королевъ,
Равно влекущихъ строго и лукаво.
Кого мнѣ предпочесть изъ этихъ дѣвъ?
Ихъ имена: Любовь и Слава.

Прекрасныя и гордыя! владѣть
Хочу двумя, чарующія, вами.
Въ отвѣтъ надменно блещете очами,
И я читаю въ нихъ: „Не смѣть!"

Влекусь къ Любви,—заноситъ ржавый ножъ,
Грозя гангреной, мстительная Слава.
Къ ней поверну, молю ее,—„Направо!"
Кричитъ Любовь: „а я-то что-жъ?"

—„Вы обѣ дороги,"—стенаю. „Нѣтъ!"
Отвѣтствуютъ мнѣ разомъ дѣвы:
„Одну изъ насъ,—кому свои напѣвы
И жизнь свою вручишь, поэтъ!"

Я выбрать не могу. Прочь, Смерть!—Рабовъ
Удѣлъ—самоубійство! выходъ найденъ:
Дай, Слава, мнѣ питья изъ виноградинъ,
Ты отрави его, Любовь!

1912.

ТІАНА.

Тіана, какъ странно! какъ странно, Тіана!
Былое уплыло, былое ушло...
Я плавалъ морями, садился въ сѣдло,
Бродилъ пилигримомъ въ опалахъ тумана...
Тіана, какъ скучно! какъ скучно, Тіана!
Мадлэна—какъ эхо... Мадлэна—какъ сонъ...
Я больше уже ни въ кого не влюбленъ:
Влюбляются сердцемъ, но какъ, если—рана?..
Тіана, какъ жутко! какъ жутко, Тіана!
Я пилъ и выплескивалъ тысячи душъ
И дѣвьихъ, и женскихъ—все-то же, къ тому жъ
Кудеснѣй всѣхъ женщинъ—ликеръ изъ банана!..
Тіана, какъ дико! мнѣ дико, Тіана,
Вложить вамъ билеты въ лиловый конвертъ
И ждать на помпезный поэзоконцертъ:
Вѣдь прежде такъ просто—луна и поляна.
И вдругъ—вы, снѣгурка, нимфея, ліана,
Вернули мнѣ снова всѣ миги тѣхъ лѣтъ,
Когда я былъ робкій, безвѣстный поэтъ,
О славѣ мечтавшій,—безъ славы дурмана...
Тіана, какъ больно! мнѣ больно, Тіана!..

1913. Ноябрь.

Валентина.

Валентина, сколько счастья! Валентина, сколько жути!
Сколько чары! Валентина, отчего же ты грустишь?
Это было на концертѣ въ медицинскомъ институтѣ,
Ты сидѣла въ вестибюлѣ за продажею афишъ.

Выскочивъ изъ мандолета, дѣвушками окруженный,
Я стремился на эстраду, но, меня остановивъ,
Предложила мнѣ программу, и, тобой завороженный,
На мгновенье задержался, созерцая свой извивъ.

Ты зашла ко мнѣ въ антрактѣ (не зови его пробѣломъ),
Съ тайной розой, съ красной грезой, съ бирюзовою грозой
Глазъ восторженныхъ и наглыхъ. Ты была въ простомъ
и бѣломъ,
Говорила очень быстро и казалась стрекозой.

Этотъ день!.. Съ него—начало. Телефоны и открытки.
Къ начинаньямъ поэтессы я былъ очень милосердъ,
И когда уже ты стала кандидаткой въ фаворитки,
Ты меня сопровождала ежедневно на концертъ.

А потомъ... Купэ. Деревня. Много снѣга, лѣса. Святки.
Замороженныя ночи и крещенская луна.
Домикъ. Нѣжно и уютно. Упоенье безъ оглядки.
Валентина безразсудна! Валентина влюблена!

Все прошло, какъ все проходитъ. И простились мы неловко:
Я „обманщикъ“, ты сердита, т.-е. просто трафаретъ.
Валентина, плутоглазка! остроумная чертовка!
Ты чаруйную поэму превратила въ жалкій бредъ!

1914. Мартъ.

КАТАСТРОФА.

Произошло крушеніе.
И поѣздовъ движеніе,
Остановилось ровно на восемнадцать часовъ.
Выскочивъ на площадку,
Спѣшно надѣвъ перчатку,
Выглянула въ окошко: тьма изъ людскихъ голосовъ!
Рано манила травка.
Я улыбнулся мягко,
Спрыгнулъ легко на рельсы, снялъ ее на полотно.
Не говоря ни слова
Ласкова и лилова,
Дѣвушка согласилась, будто знакома давно...
Съ насыпи мы сбѣжали
Дѣвушка только въ шали,
Я безъ пальто, безъ шапки,—кочками и по пенькамъ.
Влагой пахнули липы,
Грунта плеснули всхлипы,
Наши сердца вздрожали, руки прильнули къ рукамъ.
Благостью катастрофы
Блестко запѣлъ я строфы,
Слыша біенье сердца, чуждаго сердца досель.
Чувства смѣшались въ чудѣ,
Затрепетали груди...
Опоцѣлуенъ звонко, лѣсъ завертѣлъ карусель!

Веймарнъ.
1913. Іюнь.

РОНДЕЛЬ.

Нарцисъ Сарона—Соломонъ—
Любилъ Балькисъ, царицу Юга.
Она была его супруга.
Былъ царь, какъ рабъ, въ нее влюбленъ.
Въ краю, гдѣ пальма и лимонъ,
Гдѣ грудь цвѣтущая упруга,
Нарцисъ Сарона, Соломонъ,
Любилъ Балькисъ, царицу Юга.
Она цвѣла, какъ анемонъ,
Подъ лаской царственнаго друга.
Но часто плакалъ отъ испуга,
Умомъ царицы ослѣпленъ,
Великолѣпный Соломонъ...

1911.

РЕГИНА.

Когда поблекнутъ георгины
Подъ ало-желчный лѣсосонъ,
Идите къ домику Регины
Во всѣ концы, со всѣхъ сторонъ.

Идите къ домику Регины
По всѣмъ дорогамъ и тропамъ,
Бросайте на пути рябины,
Дабы назадъ вернуться вамъ.

Бросайте на пути рябины:
Всѣ ваши скрестятся пути,
И вамъ, искателямъ Регины,
Назадъ дороги не найти.

1913. Лѣто.
Веймарнъ.

Любопытство Эклерэзиты.

— Мама, милая мамочка,
Скоро-ль будетъ война?
— Что съ тобой, моя дѣвочка?
Можетъ быть, ты больна?

— Всѣ сосѣди сражаются,
Не воюемъ лишь мы.
— Но у насъ, слава Господу,
Всѣ здоровы умы.

— Почему насъ не трогаютъ?
Не плѣнятъ почему?
— Потому что Миррэлія
Не видна никому...

— Почему-жъ наша родина
Никому не видна?
— Потому что вселенная
Намъ съ тобой не нужна...

— Мама, милая мамочка,
Плачетъ сердце мое...
— Различай моя дѣвочка,
Отъ чужого свое...

— Ну, а что окружаетъ насъ?
Кто ближайшій сосѣдъ?
— Кромѣ звѣздъ и Миррэліи
Ничего въ мірѣ нѣтъ!

19 Сент. 1916 г.
Им. „Бѣльскъ".

Принцесса Мимоза.

Сказка въ тріолетахъ.

1.

Живетъ въ фарфоровомъ дворцѣ
Принцесса нѣжная Мимоза
Съ улыбкой грустной на лицѣ.
Живетъ въ фарфоровомъ дворцѣ...
Летаютъ въ гости къ ней стрекозы.
Жучки дежурятъ на крыльцѣ.
Живетъ въ фарфоровомъ дворцѣ
Принцесса нѣжная Мимоза.

2.

Она стыдлива и чиста,
И ручки бархатныя хрупки:
Нарядъ изъ скромнаго листа.
Она стыдлива и чиста,
Какъ вздохи дѣвственной голубки,
Какъ въ ранней юности уста.
Она стыдлива и чиста,
И ручки бархатныя хрупки.

3.

Дрожитъ сердечко, какъ струна
У арфы дивной, сладкозвучной:
Она впервые влюблена;
Поетъ сердечко, какъ струна,
И во дворцѣ теперь ей скучно,
Она давно не знаетъ сна;
Поетъ сердечко какъ струна,
У арфы громкой, сладкозвучной.

4.

Ея избранникъ, Мотылекъ,
Веселый, рѣзвый, златотканный,
Ей сдѣлалъ о любви намекъ;
Ея избранникъ, Мотылекъ,
Любимый ею и желанный,
Подноситъ стансы въ восемь строкъ
Ея избранникъ, Мотылекъ,—
Поэтъ съ душою златотканной.

5.

Мимозу робко проситъ онъ
Дозволить слиться поцѣлуемъ,
Короткимъ, какъ волшебный сонъ;
Мимозу страстно проситъ онъ,
Любовью пылкою волнуемъ,
За поцѣлуй даетъ ей тронъ.
Мимозу умоляетъ онъ
Дозволить слиться поцѣлуемъ!

6.

Принцесса любитъ... Почему жъ
Его противиться желанью?
Притомъ онъ вскорѣ будетъ мужъ...
Принцесса любитъ... Почему жъ?!
Уже назначено свиданье,
И близится сліянье душъ;
Принцесса любитъ... Почему жъ...
Противиться его желанью?

7.

Какъ обнадеженъ Мотылекъ—
Поэтъ и юноша веселый!
Въ благоуханный вечерокъ
Къ ней подлетаетъ Мотылекъ.
Принцесса очи клонитъ долу,
Онъ наклоняется и—чмокъ!
Мимозу шустрый Мотылекъ,—
Поэтъ и юноша веселый.

8.

И вдругъ смежила вѣчнымъ сномъ
Глаза лазурные принцесса
Предъ потрясеннымъ Мотылькомъ.
Увы! Смежила вѣчнымъ сномъ.
Сокрыла счастіе завѣса,
И вѣетъ въ сердце холодкомъ,
Когда смежила вѣчнымъ сномъ
Глаза невинные принцесса.

9.

Ея святая чистота—
Причина гибели Мимозы,
Что чище вешняго листа.
Въ любви духовной—чистота,
А не въ земной, рабынѣ прозы;
Есть для однѣхъ молитвъ уста,
И ихъ святая чистота—
Причина гибели Мимозы!

1907.

ДЭЛЬ-АКВА-ТОРЪ.

Лирическая вуаль.

1.

—Иди къ цвѣтку Викторіи Регины,
Иди въ просторъ
И передай привѣтъ отъ герцогини
Дэль-Аква-Торъ.
На томъ цвѣткѣ созрѣло государство;
Найди шалэ;
У входа—стражъ, въ рукѣ у стража—астра,
Звѣзда во мглѣ.
Тогда скажи, застолбенѣя въ дверцахъ:
„Несу просторъ!
Привѣтъ тебѣ, милосердый герцогъ
Дэль-Аква-Торъ!
Вставай на путь, но благости Богини
Тоску забудь...
Внемли послу грозовой герцогини—
Вставай на путь!
Довольно мукъ: ты долго пожилъ зло,
Твой бредъ кровавъ;
Она тебя увидѣть пожелала,
Къ себѣ призвавъ,
Довольно мукъ—ихъ искупило время,..
Твой взоръ смущенъ,..

Коня, коня! огнистѣй ногу въ стремя,—
Вѣдь, ты прощенъ!"—

2.

Ушелъ посолъ къ Викторіи Регинѣ,
Ушелъ въ просторъ,
Чтобъ передать привѣтъ отъ герцогини
Дэль-Аква-Торъ.
Онъ долго брелъ въ обѣтахъ ложныхъ далей
И—въ щеляхъ—скалъ—
Испепелилъ подошвы у сандалій,
И все искалъ.
Искалъ страну и, втайнѣ, думалъ сгину,—
Не поверну...
Искалъ страну Викторію Регину,
Искалъ страну.
Лишь для него пчела будила струны
Своихъ мандолъ:
Лишь для него ломалось о буруны
Весло гондолъ:
Лишь для него провѣерила воздухъ
Слюда цикадъ.
И шелъ гонецъ, и шелъ съ гонцомъ самъ Грезъ-Духъ—
Все наугадъ.
Онъ не пришелъ къ Викторіи Регинѣ,
Онъ не пришелъ:
Не передалъ прощенья герцогини,—
Онъ не нашелъ.
Онъ не нашелъ такой страны цвѣтковой
И—между скалъ—
Погибъ посолъ, искать всегда готовый...
Да, онъ искалъ!

3

Прошли вѣка, дымя свои сѣдины,
    Свой прахъ сложивъ
Въ землѣ—рабы, и въ склепахъ—паладины,
    Но герцогъ—живъ,
Онъ живъ! онъ живъ! Онъ пьетъ очами сердца
    Пустой просторъ.
И міра нѣтъ,—но *гдѣ-то* бьется герцогъ
    Дэль-Аква-Торъ...

1910.

ЭСТЛЯНДСКАЯ ПОЭЗА.

Распахните всѣ рамы у меня на террасѣ, распахните всѣ рамы—
Истомило предгрозье. Я совсѣмъ задыхаюсь. Я совсѣмъ изнемогъ.
Надоѣли мнѣ лица. Надоѣли мнѣ фразы. Надоѣли мнѣ „драмы“.
Уходите подальше, не тревожьте. Всѣ двери я запру на замокъ.
Я весь день, и весь вечеръ просижу на террасѣ, созерцая то море,
То особое море, нѣтъ которому равныхъ во вселенной нигдѣ.
Помню Ялту и Дальній, и Баку съ Таганрогомъ. На моряхъ,—я не спорю.
Но Балтійское море развѣ съ тѣми сравнится при полярной звѣздѣ?..
Это море—снѣгурочка. Это море—трилистникъ. Это—вишенъ цвѣтенье.
Это призракъ безчертный. Эрикъ принцъ свѣтлоокій. Это море Лилитъ.
Ежецвѣтно. Капризно. Несказанно больное. Все порывъ. Все—мгновенье.
Все влеченье и зовы. Вѣнценосная Сканда. Умоляя—велитъ.

Оттого-то и домъ мой—надъ отвѣснымъ обрывомъ у
любимаго моря.
Миновало предгрозье. Я дышу полной грудью. Отдыхаю.
Живу.
О, сказанья про Ингридъ! О, Норвегіи берегъ! О,
Эстляндскія зори!
Лишь въ Эстляндіи свѣтлой мнѣ дано, васъ увидѣть
наяву! наяву!

Эст.-Тойла
1914. Май.

СКАЗАНІЕ О ИНГРИДЪ.

1.

На юго-востокъ отъ Норвегіи, въ Ботническомъ шхерномъ заливѣ,
Былъ островъ съ особеннымъ климатомъ: на сѣверѣ юга клочокъ.
На немъ—королевство Мирролія, всѣхъ царствъ и республикъ счастливѣй,
Съ красавицею—королевою, любившей народъ горячо.

2.

У Ингридъ Стэрлингъ лицо безкровно. Она—шатенка.
Стройна. Изящна. Глаза лиловы. И скорбенъ ротъ.
Таится въ Ингридъ подъ лѣсофеей демимонденка.
Играетъ Ингридъ. Она поэзитъ. Она поетъ.

3.

Она прославлена, какъ поэтесса. Она прославлена, какъ композиторъ.
Она прославлена, какъ королева. Она прославлена всеславьемъ славъ.
Наслѣдникъ маленькій, Олегъ Полярный—и дочь прелестная Эклерезита,
И принцемъ—регентомъ суровый викингъ, но сердце любящее—Грозоправъ.

5

4.

Эрикъ Свѣтлоокій, Сѣвера король, любитъ Ингридъ нѣжно.
Любитъ Ингридъ тайно, любитъ Ингридъ вѣчно.
Эрикъ Свѣтлоокій, Сѣвера король, хочетъ къ ней мятежно,
Ищетъ съ ней случайной встрѣчи и сердечно
Пишетъ: „Королева! выслушать изволь: Ждетъ съ тобой свиданья Сѣвера король“.

5.

Ингридъ прочла посланье, Ингридъ смѣялась нервно,
Ингридъ кусала губы: Ингридъ любила его!
Но Грозоправъ былъ мужемъ! Но Грозоправъ былъ первымъ,
Первымъ, невинность взявшимъ; кромѣ нея—ничего!.

6.

И отвѣчаетъ Ингридъ Эрику, и отвѣчаетъ Ингридъ дальнему,
Такому дальнему и милому страны полярной королю:
„Привѣтъ влюбленному,—любимому! Привѣтъ, какъ я сама, печальному!
Привѣтъ тому, о комъ тоскую я! Привѣтъ тому, кого люблю!“

7.

И больше ни слова. Пойми, какъ желаешь.
Пойми, какъ умѣешь. Пойми, какъ поймешь.

8.

Плыветъ эскадрилья въ столицу Сіянжъ.
О Эрикъ! въ Миррэлію ты ли плывешь?

9.

Его корабль съ штандартомъ короля
Въ восходный часъ
Приплылъ.
И свита дѣвъ, страну ея хваля,
Поетъ: „Для насъ
Край милъ".

10.

Выходитъ Ингридъ на южный берегъ.
При Грозоправѣ идетъ къ нему:
— Тебя встрѣчаю, пресвѣтлый Эрикъ,
Ты освѣтляешь земную тьму.

11.

Но край мой, не правда ли, свѣтелъ? но край мой, не правда ли, ясенъ?
И свѣтлаго гостя встрѣчаетъ не менѣе свѣтлый народъ.
Я знаю, что Эрикъ отваженъ! Я знаю, что Эрикъ прекрасенъ!
Я знаю, что любитъ онъ Ингридъ и смѣло къ себѣ призоветъ!

12.

Ты прости, Грозоправъ: я тебя не хочу.
Свѣтлоокому Эрику рада...

13.

Потянулась рука Грозоправа къ мечу
И свершила мгновенно, что надо.

14.

Грозоправа хоронили, Грозоправа провожали,
Грозоправа называли: „Справедливый Грозоправъ“.
Въ замкѣ Ингридъ начертали въ спальнѣ новыя
скрижали:
„На несчастіи другого каждый счастье строить правъ“.

15.

Это было въ счастливой Миррэліи,
Въ синей тѣни лазоревыхъ сливъ.
Златолира же оменестрелила
Сердцу Игоря сладостный миѳъ...

1915. Май.
Эст.-Тойла.

ВЕРВЭНА.

Какъ пахнетъ моремъ отъ Вервэны
И устрицами, и луной!
Всѣ клѣточки твои, всѣ вены
Кипятъ Вервэновой волной.

Цѣлую ли твои я вѣки,
Смотрюсь ли въ зеркала очей,
Я вижу сонъ чаруйный нѣкій,
Въ которомъ море все свѣжѣй.

Неистолимою прохладой
Туда, гдѣ крапчатый лосось,
Гдѣ чайка взрѣяла Элладой,
Влекусь я въ моревую сквозь.

Но только подойду я къ морю,
Чтобъ тронуть шлюпки бичеву,
Со сномъ чаруйнымъ вплавь заспорю,
Къ тебѣ у моря воззову!

Повѣетъ отъ волны Вервэной,
Твоею блузкой и косой,
И, смутнымъ зовамъ неизмѣнный,
Я возвращусь къ тебѣ съ тоской.

Эст.-Тойла.
1914. Іюнь.

ПОЭЗІЯ О БЕЛЬГІИ.

Вѣрѣ Вертеръ.

Кто знаетъ?—ты явь или призракъ?
Ты будешь ли? есть ли? была ль?
Но ликъ твой прекрасный намъ близокъ,
Въ которомъ восторгъ и печаль...

Волшебница! ты златодарна:
Твоихъ городовъ карусель,
Подъ строфы Эмиля Верхарна
Кружа, кружевѣетъ Брюссель...

Не вѣримъ—не можемъ! не смѣемъ!—
Что въ брызгахъ снарядовыхъ пѣнъ,
Смертельно ужаленный змѣемъ,
Сгорѣлъ бирюзовый Лувэнъ...

И чей это шопотъ, crescendo
Сверлящій умы и сердца,
О бѣгствѣ народа въ Остендэ,
Гдѣ будетъ начало конца?..

О, городъ прославленныхъ устрицъ
И пепельно-палевыхъ дюнъ,
И волнъ голубѣющихъ шустрицъ,—
О, городъ, трагичный канунъ!..

Ужель затерялась тропинка,
Тропинка туда, подъ уклонъ,
Въ укромный пріютъ Мэтерлинка,
Дающаго сладостный сонъ?..

Дождя свѣтозарныя нити
Сулятъ плодородье опять...
Помедлите, нѣжно усните,—
Не надо, не стоитъ бѣжать!..

Намъ нужно дружнѣе сплотиться,
Пріявъ твой плѣнительный плѣнъ,
О, Бельгія, синяя птица
Съ глазами принцессы Малэнъ!..

1914. Октябрь.
Петроградъ.

НЕ УЛЕТАЙ!

Бѣгутъ по морю голубому
Барашки бѣлые, рѣзвясь...
Ты медленно подходишь къ дому,
Полугрустя, полусмѣясь...

Улыбка, блѣдно розовѣя,
Слетаетъ съ устъ, какъ мотылекъ...
Ты цѣпенѣешь, морефея,
И взглядъ твой близокъ и далекъ...

Ты видишь островъ, дальній островъ,
И паруса, и челноки,
И ты молчишь легко и просто,—
И вотъ—крыло изъ подъ руки!..

Не улетай, прими истому:
Вступи со мной въ земную связь...

Бѣгутъ по морю голубому
Барашки бѣлые рѣзвясь...

Эстъ-Тойла.
1915.

Я живъ, и жить хочу...

Я живъ, и жить хочу, и буду
Жить—безконечный—безъ конца.
Не подходите, точно къ чуду,
Къ чертамъ безсмертнаго лица:
Жизнь—въ нашей власти: мы дотолѣ
Трепещемъ, бьемся и живемъ,
Пока въ насъ много ярой воли
Къ тому, что жизнью мы зовемъ.
Смерть торжествуетъ въ тѣ мгновенья,
Когда повѣрилъ ты въ нее,
И нѣтъ въ тебѣ сопротивленья:
Смерть—малодушіе твое.
Я не могу себѣ представить
Всѣмъ ощущеньемъ, всей душой,
Какъ можно этотъ міръ оставить,—
Молчать, истлѣть, не быть собой!
Я превозмогъ порывы гнѣва:
Убивъ другого—я убитъ...
А потому—любимецъ неба—
Прощу—чтобъ жить!—всю боль обидъ.
Я смѣлъ и прямъ, и простъ, и свѣтелъ,
И смерти явно я бѣгу.
Я всѣхъ простилъ, я всѣхъ привѣтилъ,
А большаго я не могу!..
Что значитъ жить? для васъ,—не знаю...
Жить для меня—вдыхать сирень,
Въ крещенскій снѣгъ стремиться къ маю,
Благословляя новый день!

Искать Ее, не уставая,
И пѣть, и мыслить, и дышать.
Какія нови въ чарахъ мая!
Какая въ новяхъ благодать!
И сколько новей въ чарахъ мая,
Вѣдь столько жъ пѣсенъ впереди!
Живи, живое восторгая!
Отъ смерти мертвое буди!
Но если ты, въ чьихъ мысляхъ узость,
Мнѣ скажешь „трусъ",—услышишь ты:
—Да здравствуетъ святая трусость
Во имя жизни и мечты!

1914. Октябрь.

ОПЕЧАЛЕННАЯ ПОЭЗА.

Не вѣчно мнѣ горѣть. Не вѣчно мнѣ пылать.
И я могу старѣть. И я могу устать.
Чѣмъ больше пламени въ моемъ давно бываломъ,
Тѣмъ меньше впереди огня во мнѣ усталомъ.

Но все-таки, пока во мнѣ играетъ кровь,
Хоть изрѣдка, могу надѣяться я вновь
Зажечься, засіять и устремиться къ маю...
Я все еще живу. Я все еще пылаю...

Гатчина.
8 Декабря. 1916 г.

НАЧАЛЬНИКИ И РЯДОВЫЕ!

Начальники и рядовые,
Вы проливающіе кровь,
Да потревожатъ васъ впервые
Всеоправданье и любовь!

О, если бы въ душѣ солдата,—
Но каждаго, на навсегда,—
Сіяла благостно и свято
Всечеловѣчности звѣзда!

О, если-бъ жизнь, живи, не мѣшкай!—
Какъ неотъемлемо—твое,
Любилъ ты истинно, съ усмѣшкой
Ты только гладилъ-бы ружье!..

И если бъ ты, рабъ оробѣлый,—
Но человѣкъ! но царь! но богъ!—
Души своей, какъ солнце, бѣлой
Познать всю непобѣдность могъ.

Тогда сказали бы всѣ дружно!
Я не хочу,—мы не хотимъ!
И разсмѣялись-бы жемчужно
Надъ повелителемъ своимъ...

Кого бъ тогда онъ велъ къ разстрѣлу
Ужели всѣхъ? ужели-жь всѣхъ?..
Вотъ солнце вышло и запѣло!
И всюду звонъ, и всюду смѣхъ!

О, споры! вы, что неизбѣжны,
Какъ хлѣбъ, мы, нужно васъ жуемъ
Солдаты! люди! будьте нѣжны
Съ незлобивымъ своимъ ружьемъ.

Не разрѣшайте спора кровью,—
Вѣдь, споръ ничѣмъ не разрѣшимъ
Всеоправданьемъ, вселюбовью
Мы никогда не согрѣшимъ!

Сверкайте, сабли! Стройтесь, ружья!
Игрушки удалой весны
И лирового златодружья
Легко-брянающіе сны!

Сверкайте, оголяйтесь, сабли,
Переливайтесь, какъ ручей!
Но что-бы души не ослабли,
Ни капли крови и ничьей!

А если молодо безумно
И если пиръ, и если май,
Что-бъ было весело и шумно
Безцѣльно въ небеса стрѣляй!

5 Сент. 1914 г.
Мыза „Ивановка".

ПОЭЗА БЛАГОСЛОВЕНІЯ.

Я не сочувствую войнѣ,
Какъ проявленью грубой силы.
Страшны досрочныя могилы
И оскорбительны вдвойнѣ.
Къ побѣдѣ красная стезя,
И скорбь на ней—исходъ конечный.
Безразумной и безсердечной
Войнѣ сочувствовать нельзя.
Но есть великая война—
Война народной обороны:
Отбросить вражьи легіоны
Встаетъ пронзенная страна.
Когда отечество въ огнѣ,
И нѣтъ воды, лей кровь, какъ воду...
Благословеніе народу!
Благословеніе войнѣ!

Мыза „Ивановка".
1914. Августъ.

УВЕРТЮРА.

Ананасы въ шампанскомъ! Ананасы въ шампанскомъ!
Удивительно вкусно, искристо и остро!
Весь я въ чемъ-то норвежскомъ! весь я въ чемъ-то
испанскомъ!
Вдохновляюсь порывно! и берусь за перо!

Стрекотъ аэроплановъ! бѣга автомобилей!
Вѣтропросвистъ экспрессовъ! крылолетъ буэровъ!
Кто-то здѣсь зацѣлованъ! тамъ кого-то побили!
Ананасы въ шампанскомъ—это пульсъ вечеровъ!

Въ группѣ дѣвушекъ нервныхъ, въ остромъ обществѣ
дамскомъ
Я трагедію жизни претворю въ грезо-фарсъ...
Ананасы въ шампанскомъ! Ананасы въ шампанскомъ!
Изъ Москвы—въ Нагасаки! изъ Нью-Іорка—на Марсъ!

1915. Январь.
Петроградъ.

МОРОЖЕНОЕ ИЗЪ СИРЕНИ!

—Мороженое изъ сирени! Мороженое изъ сирени!
Полпорціи десять копеекъ, четыре копейки буше.
Сударышни, судари, надо ль?—не дорого—можно безъ
преній...
Поѣшь деликатнаго, площадь: придется товаръ по душѣ!

Я сливочнаго не имѣю, фисташковое все распродалъ...
Ахъ, граждане, да неужели вы требуете кремъ-брюле?
Пора популярить изыски, утончиться вкусамъ народа,
На улицу специи кухонь, огимнивъ эксцессъ въ вирэлэ!

Сирень—сладострастья эмблема. Въ лилово-изнѣженномъ
кренѣ
Зальдись, водопадное сердце, въ душистый и сладкій
пушокъ...
Мороженое изъ сирени! Мороженое изъ сирени!
Эй, мальчикъ со сбитнемъ, попробуй! Ей Богу похвалишь,
дружокъ!

1912. Сентябрь.

ФІОЛЕТОВЫЙ ТРАНСЪ.

О, Лилія ликеровъ,—о, Crême de Violette!
Я выпилъ грезъ фіалокъ фіалковый фіалъ...
Я приказалъ немедля подать кабріолетъ,
И сѣлъ на сѣромъ кленѣ въ атласный интервалъ.

Затянутъ въ черный бархатъ, шофферъ—и мой клевретъ—
Коснулся рукоятки, и, вздрогнувши, моторъ,
Какъ жеребецъ заржавшій, пошелъ на весь просторъ,
А вѣтеръ восхищенный сорвалъ съ меня берэтъ..

Я приказалъ дать „полный". Я нагло приказалъ
Околдовать природу и перепутать путь!
Я выбросилъ шоффера, когда онъ отказалъ,—
Взревѣлъ! и сквозь природу—вс-всю и какъ-нибудь!

Встрѣчалась ли деревня,—ни голосовъ, ни избъ!
Врѣзался въ чернолѣсье,—ни дерева, ни пня!
Когда бъ моторъ взорвался, я руки перегрызъ бъ!!!
Я опьянѣлъ грозово, все на пути пьяня!..

И вдругъ—безумнымъ жестомъ остолбленъ кленоходъ:
Я лилію замѣтилъ у ската въ водопадъ.
Я передъ ней склонился, отъ радости горбатъ,
Благодаря за встрѣчу, за благостный исходъ...

Я упоенъ. Я вешній. Я тихій. Я грезэръ.
И развѣ виноватъ я, что лиліи колетъ
Такъ рѣдко можно встрѣтить, что путь безъ лилій сѣръ?..
О, ядъ мечты фіалокъ,—о Crême de Violette...

КАРЕТКА КУРТИЗАНКИ.

Каретка куртизанки, въ коричневую лошадь,
По хвойному откосу спускается на пляжъ.
Чтобъ ножки не промокли, ихъ надо окалошить,—
Блюстителемъ здоровья назначенъ юный пажъ.

Кудрявымъ музыкантамъ предложено исполнить
Бравадную мазурку. Маэстро, за пюпитръ!
Удастся ль душу дамы восторженно омолнить
Курортному оркестру изъ мелодичныхъ цитръ?

Цилиндры солнцевѣютъ, причесанные лоско.
И дамьи туалеты пригодны для витринъ.
Смѣется куртизанка. Ей вторитъ солнце броско.
Какъ хорошо въ буфетѣ пить кремъ-де-мандаринъ!

За чѣмъ же дѣло стало?—къ буфету, черный кучеръ!
Гарсонъ, сымпровизируй блестящій файвъ-о-клокъ...
Каретка куртизанки опять все круче, круче,
И пажъ къ ботинкамъ дамы, какъ фокстерьеръ, прилегъ...

„Дылицы".

ЗИЗИ.

„Постигнуть сердцемъ все возможно,
Непостижимое уму"...

К. Фофановъ.

Безшумно шло моторное ландо
По „островамъ" къ зеленому „пуанту".
И взоръ Зизи, пѣвучѣе рондо,
Скользя въ лорнетъ, томилъ колѣни франту...

Хруститъ отъ шинъ заносчиво шоссе,
И воздухъ полнъ весенняго удушья.
Въ ея душѣ—осколки строфъ Мюссэ,
А на лицѣ—обидное бездушье.

Зизи, Зизи! Тебѣ себя не жаль?
Не жаль себя, бутончатой и кроткой?
Иль, можетъ быть, цѣла души скрижаль,
И лилія не можетъ быть кокоткой?

Останови моторъ! сними манто
И шелкъ бѣлья, безчестья паутину,
Разбей колье и, выйдя изъ ландо,
Смой наготой муаровую тину!

Что до того, что скажетъ Пустота
Подъ шляпками, цилиндрами и кэпи!
Что до того!—такая нагота
Великолѣпнѣй всѣхъ великолѣпій!

1910. Февраль.

КЛУБЪ ДАМЪ.

Я въ комфортабельной каретѣ, на эллипсическихъ рессорахъ,
Люблю заѣхать въ златополдень на чашку чая въ жено-клубъ,
Гдѣ вкусно сплетничаютъ дамы о свѣтскихъ дрязгахъ и о ссорахъ,
Гдѣ глупый въ правѣ слыть не глупымъ, но умный непремѣнно глупъ.

О, фешенебельныя темы! отъ васъ тоска моя развѣется!
Трепещутъ губы иронично, какъ земляничное желе...
— „Индѣйцы — точно ананасы, и ананасы — какъ индѣйцы"...
Острить креолка, вспоминая о экзотической землѣ.

Градоначальница зѣваетъ, облокотясь на піанино,
И смотритъ въ окна, гдѣ истомно бредетъ хмелѣющій іюль.
Вдругъ золотѣетъ паутина, какъ символъ лѣнныхъ плѣновъ сплина,
И я, сравнивъ себя со всѣми, люблю клубъ дамъ не потому ль?..

1912. Іюнь.

ДИССОНА.

Георгію Иванову.

Въ желтой гостиной, изъ сѣраго клена, съ обивкою шелковой,
Ваше Сіятельство любитъ по вторникамъ томный журфиксъ.
Въ дамской венгеркѣ комичнаго цвѣта, коричнево-бѣлковой,
Вы предлагаете тонкому обществу присный кэксъ,
Нѣжно вдыхая сигары эрцгерцога абрисъ фіалковый...
Ваше Сіятельство къ тридцатилѣтнему — модному — возрасту
Тѣло имѣете универсальное... какъ барельефъ...
Душу душистую, тщательно скрытую въ шелковомъ шелестѣ,
Очень удобную для проститутокъ и для королевъ...
Впрочемъ, простите мнѣ, Ваше Сіятельство, алыя шалости...
Вашимъ супругомъ, посломъ въ Арлекиніи, ярко правительство:
Умъ и талантъ дипломата суть высшія качества...
Но для меня, для безумца, его аристотельство,
Какъ и поэзы мои для него, лишь чудачество...
Самое жъ лучшее въ немъ, — это Ваше Сіятельство!

1912.

МАРЮНЕТКА ПРОКАЗЪ.

Новелла.

Чистокровныя лошади распылились въ припляскѣ.
Любопытствомъ и трепетомъ вся толпа сражена.
По столичному городу проѣзжаетъ въ коляскѣ
Кружевная, капризная властелина жена.

Улыбаясь презрительно на крутые поклоны
И считая холопами безъ различія всѣхъ,
Вдругъ замѣтила женщина—тамъ, гдѣ храма колонны,
Нѣчто красочно-рѣзкое, задохнувшее смѣхъ.

Оборванецъ, красивѣе всѣхъ любовниковъ замка,
Шевелилъ ея чувственность, разболѣнно застывъ.
И проснулась въ ней женщина, и проснулась въ ней
самка,
И она передернулась, какъ въ оркестрѣ мотивъ.

Повелѣла капризница посадить оборванца
На подушку атласную прямо рядомъ съ собой,
И толпа оскорбленная не сдержала румянца,
Хоть наружно осталася безнадежной рабой.

А когда перепуганный—очарованный нищій
Безсознательно выполнилъ гривуазный приказъ,
Утомленная женщина, отшвырнувъ голенищи,
Растоптала коляскою марьонетку проказъ...

1910.

Іюльскій полдень.

Кинематографъ.

Элегантная коляска, въ электрическомъ біеньи,
Эластично шелестѣла по шоссейному песку;
Въ ней двѣ дѣвственныя дамы, въ быстро-темпномъ
упоеньи,
Въ ало-встрѣчномъ устремленьи — это пчелки къ лепе-
стку.

А кругомъ бѣжали сосны, идеалы равноправій,
Плыло небо, пѣло солнце, кувыркался вѣтерокъ,
И подъ шинами мотора пыль дымилась, прыгалъ гравій,
Совпадала съ вѣтромъ птичка на дорогѣ безъ дорогъ...

У ограды монастырской столбенѣлъ зловѣще инокъ,
Слыша въ хрупотѣ коляски звуки „нравственныхъ
пропажъ“
И съ испугомъ отряхаясь отъ разбуженныхъ песчинокъ,
Проклиналъ безвреднымъ взоромъ шаловливый экипажъ.

Хохотъ, свѣжій точно море, хохотъ, жаркій точно
кратеръ,
Лился лавой изъ коляски, остывая въ выси сферъ.
Шелестѣлъ молніеносно подъ колесами фарватеръ,
И пьянѣлъ, виномъ восторга, поощряемый шофферъ...

1910.

BERCEUSE ОСЕННІЙ.

День алоснѣзъ. Лимонолистный лѣсъ
Драпритъ стволы въ туманную тунику.
Я въ глушь иду, подъ осени berceuse,
Беру грибы и горькую бруснику.

Кто мнѣ сказалъ, что у меня есть мужъ
И трижды овесененный ребенокъ?..
Вѣдь, это вздоръ! вѣдь, это просто чушь!
Ложусь въ траву, теряя пять гребенокъ...

Поетъ душа, подъ осени berceuse,
Надежно ждетъ и сладко-больно вѣритъ,
Что онъ придетъ, галантный мой Экспрессъ,
Меня возьметъ и дѣвственно озвѣритъ.

И утоливъ мой алчущій инстинктъ,
Вернетъ меня къ моей безцѣльной яви,
Оставивъ мнѣ незримый гіацинтъ,
Святѣе вербъ и хризантэмъ лукавѣй...

Иду, иду, подъ осени berceuse,
Не находя нигдѣ отъ грезы мѣста,
Мнѣ хочется, чтобъ сгинулъ, чтобъ исчезъ
Тотъ домъ, гдѣ я—замужняя невѣста!..

1912 Февраль.

КЭНЗЕЛИ.

Въ шумномъ платьѣ муаровомъ, въ шумномъ платьѣ
муаровомъ
По аллеѣ олуненной Вы проходите морево...
Ваше платье изысканно, Ваша тальма лазорева.
А дорожка песочная отъ листвы разузорена —
Точно лапы паучныя, точно мѣхъ ягуаровый.

Для утонченной женщины ночь всегда новобрачная...
Упоенье любовное Вамъ судьбой предназначено...
Въ шумномъ платьѣ муаровомъ, въ шумномъ платьѣ
муаровомъ —
Вы такая эстетная, Вы такая изящная...
Но кого же въ любовники! и найдется ли пара Вамъ?

Ножки пледомъ закутайте дорогимъ ягуаровымъ,
И, садясь комфортабельно въ ландолетѣ бензиновомъ,
Жизнь довѣрьте Вы мальчику, въ макинтошѣ резиновомъ,
И закройте глаза ему Вашимъ платьемъ жасминовымъ —
Шумнымъ платьемъ муаровымъ, шумнымъ платьемъ
муаровымъ!..

1911.

ШАМПАНСКІЙ ПОЛОНЕЗЪ.

Шампанскаго въ лилію! Шампанскаго въ лилію!—
Ея цѣломудріемъ святѣетъ оно.
Mignon съ Escamillio! Mignon съ Escamillio!
Шампанское въ лиліи—святое вино.

Шампанское въ лиліи журчащее, искристо—
Вино, упоенное бокаломъ цвѣтка.
Я славлю восторженно Христа и Антихриста
Душой, обожженною восторгомъ глотка!

Голубку и ястреба! Ригсдагъ и Бастилію!
Кокотку и схимника! Порывность и сонъ!
Въ Шампанское лилію! Шампанскаго въ лилію!
Въ моряхъ Дисгармоніи—маякъ Унисонъ.

1912. Октябрь.

И ЭТО—ЯВЬ?..

И это—явь? не сновидѣнье?
Не обольстительный обманъ?
Какое въ жизни возрожденье!
Я плачу! я свободой пьянъ!

Какъ? неужели? все, что въ мысляхъ—
Отнынѣ и на языкѣ?
Никто въ Сибирь не смѣетъ выслать?
Не смѣетъ утопить въ рѣкѣ?

Повѣрить трудно: вдругъ—все ложно?!.
Трепещетъ страстной мукой стихъ...
Но невозможное—возможно
Въ странѣ возможностей больших!

Москва.
8 Марта, 1917 г.

СОДЕРЖАНІЕ.

Обложка и фронтиспис работы художника Дм. Митрохина.

Эта книга отпечатана въ типографіи „Акц. О-ва А. ХАНЖОНКОВЪ и К°" въ количествѣ 12.400 экз.

